

«МУМУ» КАК КАНОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ГЕРАСИМ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП

Елизавета Фомина
(Гаргу)

Статус рассказа «Муму» (1854) в русской культуре противоречив: с одной стороны, несомненна его каноничность¹, с другой — история Герасима и Муму практически полностью отделилась от оригинала и существует в массовой культуре в виде самостоятельного мифологического сюжета. До настоящего времени коллективная память сохранила имена главных героев и основную коллизию «Муму» — утопление собаки, отбросив при этом другие сюжетные ходы и остальных действующих лиц тургеневского рассказа.

В значительной мере и популярности, и забвению «Муму» способствовали морфологические особенности текста. Стремясь к «объективной» передаче событий, Тургенев отказался от введения рассказчика и поставил в центр бессловесных персонажей — глухонемого и собаку. Это привело к непроницаемости внутреннего мира героя для читателя, хотя частично она и компенсировалась другими повествовательными средствами (косвенной характеристикой Герасима через мимику и жесты, перекрестными, хотя и гипотетичными оценками других персонажей, поэтикой намеков и деталей и т. п.). Экспериментальная поэтика «Муму» и вытекающая из нее «загадочность» главного героя выдвинули на первый план не объясненное автором убийство и создали условия для «сотворчества» — возникновения новых версий по мотивам тургеневского рассказа.

Вместе с тем, имманентные свойства текста не могут всецело предопределить его непреходящую популярность; то же можно сказать и об особенностях коллективного восприятия. Ни вкусовые предпочтения аудитории, ни прихотливая избирательность

¹ Под каноничностью мы понимаем «памятность» текста — то, насколько часто он воспроизводится в культуре. Подробнее см. [Гронас: 68–69].

культурной памяти, ни даже психологическая составляющая — травматичность сюжета для детского сознания (первое знакомство с ним происходит, как правило, в возрасте 10–11 лет) и попытки преодолеть шокирующий опыт с помощью его иронического переосмысления — сами по себе не могут объяснить длительности его существования в культуре. Думается, что причины каноничности «Муму» лежат глубже — «памятность» центрального эпизода на протяжении достаточно продолжительного времени говорит о том, что эта сцена оказалась чрезвычайно востребованной в культуре. Далее мы попытаемся выяснить, какие именно смыслы почерпнули и — одновременно — привнесли в этот сюжет интерпретаторы, и с этой целью обратимся к истории рецепции рассказа.

Процесс канонизации «Муму» в России и отчасти за рубежом² начался практически сразу же после его публикации, и сразу рассказ стал восприниматься в контексте ключевых идеологических вопросов эпохи. Отзывы современников, в целом, сводились к двум тезисам: во-первых, к распространенной в демократической критике идее о его социально-обличительной направленности, во-вторых, к славянофильской трактовке Герасима как олицетворения русского народа:

Мне нет нужды знать <...>, — писал Тургеневу И. С. Аксаков, — вымысел ли это или факт, действительно ли существовал дворник Герасим или нет, — под дворником Герасимом разумеется иное. Это олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений... Он, разумеется, со временем заговорит, но, теперь, конечно, может казаться и немым, и глухим, теперь, куда он удалился к себе на родину <...> (цит. по: [Голубков: 19]).

В негативных отзывах рецензенты также обращали внимание, прежде всего, на «народность» и «социальность», с одной стороны, упрекая Тургенева в тенденциозности, стремлении подчинить

² «Муму» лидирует по количеству прижизненных переводов на другие языки среди повестей и рассказов Тургенева 1840-х – 1850-х гг. [Дубовиков, Дунаева, Назарова: 609–610].

художественный текст политическим задачам³, с другой — обвиняя его в неправдоподобном изображении русского крестьянина⁴. Впоследствии оба эти аспекта были подхвачены исследователями и задали основные векторы в дальнейших истолкованиях рассказа.

Особенно наглядно тенденция к идеологизации рассказа отразилась в методических пособиях по его изучению в средней школе, благодаря которым социологическая трактовка стала одной из ведущих в обширной исследовательской литературе по «Муму». Школьное изучение произведения началось еще при жизни писателя: впервые рассказ появился в региональной хрестоматии 1874 г. и с тех пор регулярно входил в школьную программу⁵.

Социологическая интерпретация рассказа утвердилась в школьной практике позднее, с приходом советской власти. В 1919 г. «Муму» вошла в программу в разделе «Классовые столкновения». Уже само название раздела указывало, на что нужно обратить внимание при чтении и как следует интерпретировать поведение героя. Социологическая версия смещала акцент с факта убийства на бесчеловечные условия крепостного строя, Герасим при этом трактовался как жертва капризной и властолюбивой барыни. Особое внимание уделялось его оправданию — подчеркивалась «народность» героя, означавшая, в данном случае, и лучшие качества Герасима, и жестокость его владелицы.

Однако подлинная «слава» пришла к рассказу в конце 1940-х гг., когда начали выходить многочисленные пособия, разъяснявшие принципы преподавания «Муму» учащимся. Одной из первых стала статья М. Н. Салтыковой «Как работать в V классе над рассказом Тургенева “Муму”» (1946), где автор так сформулировала главную идею произведения:

³ Ср. отзыв С. С. Дудышкина, порицавшего стремление Тургенева «...превратить идеи экономические в идеи литературные, явления экономические излагать в форме повестей, романов и драм» (цит. по: [Дубовиков, Дунаева, Назарова: 608]).

⁴ Так, Б. Н. Алмазов, считавший «народность» Герасима фальшивой, упрекал Тургенева в следовании принципам сюжетосложения, распространенным во французской беллетристике, иначе говоря — в том, что Тургенев попытался изобразить русский характер «нерусским способом» [Алмазов: 32–33].

⁵ По данным А. Вдовина, «Муму» входил в дореволюционные хрестоматии в 1874, 1884, 1891, 1903, 1904, 1905, 1908 и 1909 гг. [Вдовин].

Тургенев раскрывает в этом рассказе разлагающее влияние крепостного права на помещиков и дворовых; вместе с тем он показывает в образе Герасима, что русский народ, подлинным представителем которого является Герасим, морально здоров и силен и что его нельзя внутренне поработить [Салтыкова: 47].

Основной метод работы — обсуждение текста в классе, чему отводится 2 недели (!). Салтыкова предлагает план занятий, призванный продемонстрировать высокие моральные качества героя и отрицательные черты барыни:

- 1) Герасим в деревне
- 2) Барыня переселяет Герасима в город <...>
- 6) По прихоти барыни Татьяну выдают за Капитона <...>
- 7) Горе Герасима <...>
- 12) *Барыня настаивает на уничтожении Муму* <Здесь и далее курсив в цитатах мой. — Е. Ф.>
- 13) Герасим топит Муму
- 14) Герасим уходит на родину
- 15) Герасим снова в родных местах [Там же: 48].

Автор приписывает помещице действия, которых она не совершала — в тексте ничего не говорится о ее требованиях уничтожить собаку; это — инициатива дворовых, но такое отклонение от текста соответствует цели методиста: «Важно, чтобы план в целом отражал развитие действия и чтобы из него было видно, что *все несчастья Герасима происходят из-за барыни*» [Там же: 48–49]. В результате работы по этому плану у школьников должен сформироваться соответствующий образ главного героя:

Герасим — крепостной крестьянин, глухонемой, сложенный богатырем. Это человек необычайной силы, любящий и умеющий работать <...>. Он очень честный, всегда держит данное им слово <...>. У него развито чувство собственного достоинства, он вызывает уважение окружающих. Таким людям, как Герасим, можно было испортить жизнь, но нельзя было сделать их добровольными рабами [Там же: 53].

Салтыкова предлагает довольно изощренное объяснение причин убийства собаки: Герасим утопил Муму, чтобы она избежала дальнейших мучений; желая, «чтобы она в последние минуты была счастлива», он вычесал ее, накормил и т. д. [Там же: 54]. Другие методисты, испытывавшие те же затруднения, предполагали,

что убийство было следствием «честности» Герасима, который, дав обещание убить, не мог от него отказаться [Голубков: 21]. Последующий затем уход героя от барыни трактовался как результат осознания своей зависимости и как акт внутреннего освобождения. Считалось, что осознание совершенного поступка «пришло к Герасиму слишком поздно», что ему стало одиноко без Муму и т. п. О неуверенности в решении этой проблемы свидетельствует вариант, предложенный известным методистом В. Голубковым, который утверждал, что «Герасим никому и не обещал жить все время в Москве» [Там же: 22]. Эта реплика обнажает наивность социологической трактовки в целом. Очевидно, что при всей справедливости замечаний об антикрепостнической составляющей, мы имеем дело с идеологическими построениями, значительно упрощающими смысл рассказа.

Социологическая трактовка «Муму» была ведущей и в исследовательской литературе вплоть до 1980-х гг.⁶ Начиная с 1990-х гг. распространяются новые подходы, которые развивались, в основном, в «неомифологическом» русле и отличались еще большей свободой в истолкованиях текста. Если приверженцы социологизма стремились встроить рассказ в заранее установленную схему классовых оппозиций, то новый подход предполагал активное сотворчество, привнесение в оригинал новых смыслов. Выделим работу голландского ученого С. Броувера, предположившего взаимосвязь текста с былинами о Василии Буслаеве, с одной стороны, и житием св. Христофора — с другой [Brouwer: 115–140]. С точки зрения Броувера, сближавшего Герасима с героем русского фольклора, Герасим эволюционирует: утопление собаки истолковывается как акт аскетического самоотречения, вслед за которым наступает внутреннее освобождение героя. Характерно, что экзотическая версия исследователя развивает традиционную идею о «народности» Герасима, которая выводится на основе фольклорных и религиозных мотивов, а убийство Муму расшифровывается со ссылкой на смирение героя — черты, которая традиционно приписывалась русскому сознанию уже в 1830-е – 1840-е гг.

⁶ Характерно заглавие статьи О. Самочатовой: «Единство социального и нравственного в повести Тургенева “Муму”» (1984) [Самочатова].

В концепцию Броувера встраиваются также едва уловимые «фрейдистские» мотивы: в «материнской»⁷ любви Герасима к Муму автор видит «подмену нормальных человеческих отношений» и называет собаку «символическим подобием женщины». Действительно, до того, как Герасим находит Муму, он влюбляется в прачку Татьяну, от которой в итоге отказывается, поддавшись на хитрость дворовых. Однако этот эпизод вводится Тургеневым, прежде всего, для мотивировки дальнейшего отречения Герасима от Муму: он раскрывает психологические особенности персонажа (способность отказаться от дорогого существа под влиянием аффекта), а также играет организующую роль в развитии сюжета; ни о каком скрытом подтексте при этом речи не идет (см. подробнее: [Фомина]).

Гиперболизация отдельных мотивов, которые в контексте произведения в целом выполняют служебную роль, наделение их самостоятельным значением — характерный постмодернистский ход, «разрушающий» оригинал и создающий новое произведение на его основе. Особенно ярко эта тенденция к деконструкции проявилась в массовой культуре, в частности, в фильме Ю. Грымова «Му-му» (1998). Режиссер предложил откровенно «психоаналитическую» версию развития событий, выдвинув на первый план женских персонажей — барыню и Татьяну. Аннотация к фильму достаточно полно передает его содержание:

Алчный взгляд жаждущей плотской любви стареющей хозяйки останавливается на новом дворнике Герасиме. И не беда, что он глухой и немой, может быть, это даже и к лучшему — не будет болтать лишнего. Но Герасим и не помышляет о любовной интриге со своей госпожой. Он сходу влюбляется в юную очаровательную дворовую девушку Танечку и просит у хозяйки разрешения взять ее в жены. Барыня же выдает Танюшу замуж за известного пропойцу Капитона и отсылает в дальнюю деревню. Убитый горем Герасим находит утешение в спасенной им маленькой дворняжке, которую он назвал «Му-Му». Но барыня теперь ревнует уже к собачке и требует, чтобы псину Герасим утопил. Тот подчиняется...

⁷ Тургенев так характеризует отношение Герасима к Муму: «Ни одна мать так не ухаживает за своим ребенком, как ухаживал Герасим за своей питомицей» [Тургенев: IV, 258].

Интересно, что подобную трактовку предвосхитил еще Б. Н. Алмазов в 1854 г., считавший, что Тургенев в рассказе подражает образцам «неистойвой» французской словесности и порицавший его за это. Пересказывая сюжет «Муму», критик задавался вопросом: «...ради каких особенных удобств барыне захотелось взять себе глухонемого дворника...» [Алмазов: 33]. Эта деталь, создающая ожидания пикантной интриги, которые в тексте, тем не менее, не оправдываются, была подхвачена Грымовым и легла в основу его концепции.

Как видно из аннотации, в тургеневский текст добавляется несуществующая в нем любовная коллизия, меняются сюжетные ходы, мотивация действий и характеристика героев — подчеркивается, например, смиренность и незлобивость Герасима. Деконструкция коснулась и более тонких, но крайне значимых для тургеневского рассказа деталей и эпизодов, которые режиссер просто отбросил, т. к. они не вписывались в его версию (конфликт с дворовыми, после которого Герасим топит Муму, его финальный уход в деревню и т. д.). В gryмовской версии виновница всех бед героя — страдающая от скуки и нереализованных эротических желаний помещица, тогда как простоватые и добродушные крестьяне в целом ему сочувствуют. Татьяна, подчинившаяся воле барыни и поддавшаяся на уговоры дворовых отвадить от себя Герасима с помощью мнимого пьянства, у Грымова не притворяется, а напивается по-настоящему; затем, уже после свадьбы с Капитоном, она проводит свою первую брачную ночь с Герасимом и т. д.

Несмотря на мелодраматичность, которую приобретает сюжет в интерпретации Грымова, в целом, его версия близка к социологической — режиссер меняет мотивацию героев, сохраняя ключевое противопоставление: смиренный и кроткий Герасим подчиняется своей хозяйке. Таким образом, финальный поступок вновь мотивируется «русским» смирением, хотя и лишенным здесь христианского подтекста⁸.

Радикальное переосмысление тургеневского рассказа привело к тому, что оригинал и фильм представляют собой, фактически, два независимых друг от друга произведения. Альтернативой по-

⁸ Для Грымова важны скорее языческие мотивы — ср. сцены крестьянских гуляний в Иванову ночь.

добной фикциональности стали шуточные трактовки в постфольклоре. В них доминирует игровой подход, предполагающий заведомую иррациональность текста и невозможность его логического объяснения. Если ключевой особенностью «неомифологических» версий было привнесение в оригинал новых смыслов, то для постфольклора внутренняя мотивация поведения Герасима не важна. Даже несмотря на часто звучащий в такого рода текстах вопрос о том, зачем Герасим утопил Муму, он в значительной мере формален и необходим для мотивировки дальнейшего языкового / смыслового / визуального и т. д. обыгрывания этой темы.

В случаях, когда ответ дан — косвенно или напрямую, — он подчеркнuto абсурден. Варианты могут быть разные — от одержимости Герасима беспричинным желанием топить собак и прочих животных⁹ до зловредности Муму, которую необходимо уничтожить:

Муму. Судный день (2009)

Думаете, что знаете историю Герасима и Муму? На самом деле, все было не так, как описано в книжках. Спорим, вы и не догадывались, что Герасим жил около ЧАЭС и был не дворником, а охотником за артефактами? А «безобидная собачка» была клонирована в стотыщмилльёнов особей, затаившихся на дне Припяти в ожидании добычи...

Это фрагмент описания игры для мобильных телефонов. Ее действие происходит в не столь отдаленном будущем. Между главными героями Герасимом и Муму происходит конфликт на почве

⁹ «...А зимой Герасим впадал в депрессию...»; ср. также анекдоты, в которых обыгрываются герои разных произведений — дед Мазай, Каштанка, собака Баскервиллей и т. д. Встречаются и более отдаленные сопоставления: «Золотая рыбка попала в сеть глухонемого Герасима. Тут и сказочке конец».

алкогольного опьянения, в результате которого Герасим топит ее в Припяти. Собака мутирует под воздействием радиации, и Герасиму приходится отбиваться от ее многочисленных клонов.

Помимо абсурдистской мотивировки здесь дается возможность и вполне рационального объяснения: торчащая из кармана бутылка водки, которая помогает персонажу расправляться с собаками в процессе игры. Этот предмет, отсылающий к стереотипам о русском алкоголизме, в сочетании с соответствующими деталями одежды (ушанка¹⁰) вновь кодирует разворачивающиеся события и служит реалистическим объяснением жестокости Герасима.

Таким образом, и интерпретации исследователей, и различного рода истолкования тургеневского сюжета в массовой культуре имеют общую черту: в конечном итоге, они пытаются объяснить поступок героя с помощью его национальных особенностей. Однако, в отличие от традиционных версий, объясняющих поступок героя его честностью, тем, что он всегда держит слово, заботой о собаке, наконец, смирением, и здесь, и в подавляющем большинстве других постфольклорных текстов о Муму национальное начало выступает в негативном аспекте (жестокость, алкоголизм и т. д.)

Обратимся теперь к самому рассказу Тургенева и рассмотрим авторскую версию «русскости», а также роль национальных особенностей в мотивировке утопления Муму (подробнее об этом см. [Фомина]).

В образе Герасима, генетически восходящего к персонажам «Записок охотника» (ср. образы Бирюка, Дикого-Барина и др. персонажей), подчеркивается природная естественность с одной стороны и развитое чувство собственного достоинства — с другой. Он «знает свои права» и держится обособленно от остальных крестьян. Окружающие, в свою очередь, относятся к нему настороженно. Когда барыня (совершенно не подозревающая о чув-

¹⁰ Ушанка, наряду с возрастом игрового Герасима, отсылает и к карикатурным изображениям Мазая. Игра с персонажами разных произведений — излюбленный прием в шаржах и анекдотах о Муму.

ствах Герасима)¹¹ решает выдать прачку Татьяну, в которую немой влюблен, за пьяницу Капитона Климова с целью его исправления, от Герасима ждут разрушительных действий: погрома в доме или побоев / убийства Татьяны и Капитона. Ср. реакцию Капитона в ответ на сообщение о намерении барыни его женить:

Да помилуйте, Гаврила Андреич! ведь он меня убьет, ей-богу убьет, как муху какую-нибудь прихлопнет; ведь у него рука, ведь вы изволите сами посмотреть, что у него за рука; ведь у него просто Минина и Пожарского рука. Ведь он глухой, бьет и не слышит, как бьет! Словно во сне кулачищами-то махает. И унять его нет никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврила Андреич, он глух и, вдобавку, глуп, как пятка. Ведь это какой-то зверь, идол, Гаврила Андреич, — хуже идола... осина какая-то; за что же я теперь от него страдать должен? [Тургенев: IV, 253]

По мнению дворовых, действия Герасима непредсказуемы и иррациональны, именно эти качества становятся основной причиной их страха. И хотя герой в этом случае никому не причиняет вреда, ожидание разрушительных действий с его стороны оправдывается впоследствии, когда он топит Муму. Герасим — «стихийный» персонаж, действия которого подчинены порыву. «Стихийные» герои — частый у Тургенева тип, неизменно связанный с национальным началом¹². Не случайно в речи Капитона упоминается памятник Минину и Пожарскому — аналогия между Гера-

¹¹ Вопреки расхожим представлениям о деспотизме помещицы, она играет скорее номинальную роль в управлении имением и крестьянами — все это Тургенев оттеняет несколькими штрихами: многочисленная дворня, где каждый занимается не тем, чем ему положено (и вообще мало чем занимается); лекарь Харитон, искусство которого «состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами, умел деликатно братья за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, остальное время все вздыхал» [Тургенев: IV, 265]; перевод хорошего «тяглового» крестьянина в дворники и т. п. Фактически всем в поместье распоряжаются дворецкий Гаврила и старшая компаньонка Любовь Любимовна, которые, потакая прихотям хозяйки, ее обманывают и обкрадывают.

¹² Ср. характеристику Дикого-Барина из рассказа «Певцы» (1850), образы Марьи Павловны в «Затишье» (1854), Харлова в повести «Степной король Лир» (1871), Чертопханова, убивающего своего коня в рассказе «Конец Чертопханова» (1872), и др. персонажей.

симом и национальным символом раскрывает «национальную» сущность героя. Еще более выразительно она проявляется в сцене конфликта между Герасимом и дворовыми:

Герасим неподвижно стоял на пороге. Толпа собралась у подножия лестницы. Герасим глядел на всех этих людишек *в немецких кафтан-ках* сверху, слегка уперши руки в бока; в своей *красной крестьянской рубашке* он казался каким-то великаном перед ними [Тургенев: IV, 267].

Любопытно, что основой для такого противопоставления становится одежда героев. Впервые появляется красная рубашка, которая до этого в тексте не фигурирует. И то, что этот национальный атрибут вводится ровно перед тем, как Герасиму приходит мысль об убийстве Муму, знаменательно.

Тургеневская трактовка русского национального характера, как это следует из самого рассказа, а также из предшествовавших ему (Бирюк; Дикой-Барин в «Певцах») и последующих произведений писателя («Затишье», «Степной король Лир»), была достаточно пессимистична. Признавая нравственную силу и глубину русского характера, писатель, в конечном итоге, считал его деструктивным. Внутренняя деструктивность Герасима символически выражена уже его физиологическим изъяном — неспособностью говорить и слышать, затем эта черта проявляется в отказе от Татьяны и, главным образом, в убийстве Муму.

Алогичность поступка и последующий уход лишь подчеркивают то, что Герасим — герой, которым движут стихийные порывы, и он с ними не может совладать. В этом отношении мотивировка утопления Муму особенностями национальной психологии героя, которая регулярно появляется в разнообразных интерпретациях рассказа, совпадает с намерениями автора. Своим отказом от разъяснения характера и поведения Герасима, с одной стороны, и ярко выраженным национальным характеристикам героя, с другой, Тургенев создал идеальную модель национального типа, в которую последующие интерпретаторы смогли встроить и другие, порой — противоположные авторским — представления о русскости.

В соединении художественного образа с мифогенной национальной темой нам видится одна из основных причин каноничности «Муму». Текст закрепляется в культурной памяти тогда, ко-

гда он отвечает культурным запросам общества. В случае с тургеневским рассказом одной из таких неиссякаемых потребностей была и остается необходимость в осмыслении русской идентичности — столь же мифической и загадочной, как и душа тургеневского Герасима.

ЛИТЕРАТУРА

- Алмазов: *Алмазов Б. Н.* Журналистика // Москвитянин. 1854. Т. 3. № 9. Кн. 1. Отд. IV. С. 32–33.
- Вдовин: *Вдовин А.* База данных по русским и провинциальным учебным хрестоматиям 1800–1905. <http://www.ruthenia.ru/canon/>
- Голубков: *Голубков В. В.* «Муму» И. С. Тургенева // Литература в школе. М., 1959. № 6. С. 15–25.
- Гронас: *Гронас М.* Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. № 5. С. 68–86.
- Дубовиков, Дунаева, Назарова: *Дубовиков А. Н., Дунаева Е. Н., Назарова Л. Н.* Муму // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1980. Т. 4. С. 603–611.
- Салтыкова: *Салтыкова М. Н.* Как работать в V классе над рассказом Тургенева «Муму» // Литература в школе. М., 1946. № 5–6. С. 47–57.
- Самочатова: *Самочатова О.* Единство социального и нравственного в повести Тургенева «Муму» // Творчество И. С. Тургенева. Курск, 1984. С. 98–110.
- Тургенев: *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1978–1986.
- Фомина: *Фомина Е.* Русский национальный тип в произведениях И. С. Тургенева 1840-х – 1870-х гг. (В печати).
- Brouwer: *Brouwer S.* Character in the short prose of Ivan Sergeevič Turgenev. Amsterdam, 1996.